

5 Декабря

До тѣхъ поръ, пока я не успокоюсь, не жди отъ меня длинныхъ посланій, добрый, дорогой другъ и братъ мой. На сей разъ я ограничусь <В рукописи: ограничусь – *ред.*> еще меньшимъ, а именно дружеской нагонкой за твою неисправность, мой милый. Знаю, что это тебѣ будетъ непріятно, а можетъ быть и взбѣситъ; но чтожъ дѣлать? Суди самъ мое положеніе. Съ каждою почтою жду я отъ тебя присылки извѣстной тебѣ бумаги, и до сихъ поръ не получаю. Ты знаешь что эта прозба должна быть въ Москвѣ гораздо [ранѣе] /прежде/ наступленія праздниковъ, потому что только тогда Петръ Андр<еевичъ> можетъ улучшить время на поѣздку въ нашу деревню и для переговоровъ съ Елагинымъ. Послѣ же праздниковъ это уже будетъ для него невозможно, да и бесполезно, потому что Елагинъ поѣдетъ въ отпускъ. А безъ этой бумаги Петру Андреев<ичу> нельзя ѣхать въ Каширу. Братъ! братъ, какой же ты не окуратный<.> Вѣдь, черезъ это мы теряемъ многое, очень много даже можетъ быть деньги.

// л. 1

Если ты еще невысылалъ этой прозбы ко мнѣ, то ради самого Бога поторопись мой милый, или что еще лучше пришли ко мнѣ съ неѣ копію, и я ужъ самъ похлопочу о перепискѣ ея на чисто, и перешлю тебѣ на подписаніе. Какъ я разкаяваюсь, что это мнѣ не пришло въ голову въ Петербургѣ. Зачѣмъ я позабылъ у тебя черновую бумагу. Я бы ужъ давно обдѣлалъ это дѣло и былъ бы покоенъ. П<етръ> А<ндреевичъ> [поко] много просилъ меня о незамѣдленіи высылки этой бумаги. Братъ! Вѣдь родные могутъ подумать, что мы не хотимъ имѣть его опекуномъ, и онъ можетъ самъ отказаться. Но довольно объ этомъ. Поговоримъ о другомъ.

Я въ ужасныхъ хлопотахъ. Сердце мое не покойно. Поѣздка въ Москву сдѣлала мнѣ много вреда. Насмѣшка уничтожила религію въ Франціи: во мнѣ же она оставила какое-то горькое сомнѣніе въ [своихъ] /моихъ/ силахъ. Мнѣ кажется, что я дѣлаю глупость, что женюсь; но когда я посмотрю на Эмилию, когда вижу въ глазахъ этого Ангела дѣтскую

// л. 1 об.

радость – мнѣ становится веселѣе. Трудно мнѣ будетъ братъ, особенно первый годъ; но что дѣлать какъ нибудь перебьемся. Второй годъ ужъ будетъ легче. Отъ тысячи моей останется не болѣе 100. Ты удивишься можетъ быть, но ей Богу это правда. А какъ мы экономничаемъ-то! Я во всемъ себѣ отказываю.

Еще я долженъ предостеречь тебя. Егоръ твой воръ, развратникъ и пьяница. Сколько продѣлокъ разказалъ мнѣ мой человѣкъ о немъ! Ради Бога, братъ, ради самого созда/те/ля прогони его и вытребуи себѣ деньщика. Еслибъ /не/ ты [не] былъ замѣшанъ въ его продѣлкахъ я хохоталъ бы досыта при разказѣ моего Василя! Такъ лапошить своихъ господъ! Ни одной ночи не ночуетъ онъ у васъ дома. Платокъ твой шолковой онъ потерялъ у блядей, надушивъ его моими

духами. Писемъ онъ ни одного не носить на почту. Братъ это самый негодяй! Вонъ его! онъ обокрадетъ тебя. Да еще пожалуйста исполни мою прозьбу. На дорогъ въ Петербургъ, Василій мой укралъ на одной станціи пѣнковую трубку. Онъ оставилъ её у Егора, допытайся у него о ней и перешли её ко мнѣ!

// л. 2

Меня чуть чуть не откомандировали въ Свеаборгъ. Надо еще ожидать откомандировки, и тогда я уже не удержусь на мѣстѣ а это меня разорить. Нельзя ли попросить Кривопишина, чтобъ онъ поговорилъ объ этомъ съ Политковскимъ что ему тотъ посоветуетъ? –

Вотъ тебѣ мой милый на первый разъ. Свадьба моя сей часъ послѣ праздниковъ. Тогда – огромное письмо!

Кланяйся отъ меня Андрюшѣ и Витковскому. Скажи Андрюшѣ, чтобы онъ покрайн[ѣ]/е/й мѣрѣ не лѣнился писать ко мнѣ. Ты же братъ, пож[у]/а/луйста пиши ко мнѣ побольше. Я не останусь въ долгу.

Здоровъ ли ты мой милый! Ради Бога, береги свое здоровье. Эмилія тебѣ кланяется, и немного сердится за невниманіе. Ей хочется что нибудь подарить тебѣ на память, да вмѣстѣ и раздумываетъ, чтобъ неизбаловать тебя своею благосклонностію<.>

Прощай мой милый! Не сердись за письмо. Отвѣчай скорѣе. Да забудь прозьбы. Прощай.

Твой другъ и братъ Достоевскій

// л. 2 об.